

Пустынножителство

**Профессор
Собакаръ**

СОВИН БОРИС

Борис Совин
Профессор Собакарь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69924373

SelfPub; 2023

Аннотация

О чем говорит студент, выходя за трибуну, если профессор Собакарь давно покинул зал?

Борис Совин

Профессор Собакарь

«Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми случайны».

Я перелил дешевую водку в пластиковую бутылку из-под газировки и вышел из дома. В метро развернул несколько рваных распечаток и, оставляя последние подчеркивания и зарисовки, отсчитал время до приезда в институт.

Выйдя на своей станции, буквально на минуту зашел в табачный магазин.

– Мне, пожалуйста, Charman.

Толстый продавец измученной внешности потянулся за коричневой пачкой на витрине.

– Нет, мне, пожалуйста, те, – я указал на желтую упаковку.

Продавец ловко поменял рекламную пачку с надписью «Smoking kills» без ужасающей картинки на пачку «Мертворождение» с соответствующим кадром.

Я заплатил за сигареты и, выходя из магазина, осознал, что у меня нет зажигалки. Я посмотрел на часы; в лицо дунул холодный ветер. Кто-то попросил меня не стоять в дверном проеме, и я, опомнившись, вернулся в магазин.

Продавец протянул мне самую дешевую зажигалку, и я

снова вышел на улицу.

В переходе некрасивая девушка играла на скрипке и, сосредоточенно глядя на смычок, ожидала милостыню. Мимо проходили студенты и профессоры, среди которых были и те, которые способны на сострадание.

Начался дождь, и я, не желая запачкать ботинки, купленные к костюму на последние деньги, побежал по узкой тропинке, ведущей к факультету.

Зайдя в здание, я поправил намокшую челку и предъявил охраннику студенческий билет. В фойе стояло несколько десятков студентов, с большей частью из которых я был совсем не знаком. Кто-то из них отряхивал свой зонт, кто-то сдавал вещи в гардероб, кто-то вел дружескую беседу.

Я проскочил в лифт, собиравшийся равнодушно уехать без меня, и вышел на третьем этаже. Аудитория, в которой должно было состояться мероприятие, имела вход с двух сторон. Чтобы не показываться публике, я решил зайти сверху. Многочисленные головы смотрели перед собой и ожидали начала концерта. Кажется, в тот момент это можно было назвать только так. Музыка, музыка, печальная и подлая музыка...

Среди общего гула можно было услышать отдельные беседы. Девушки на верхнем ряду смеялись и обсуждали какого-то далекого краснодарского преступника. Чуть ниже сидели первокурсники, которые, по-видимому, искали ярких впечатлений. При этом, вероятно, не хотели отрываться и от

институтской жизни. Строго говоря, от науки. Поэтому они говорили о девушках и перебивались на цивилистику. Еще ниже расположились парни в строгих костюмах. Предметом их беседы были нововведения в процессуальные законы.

За четыре года я слышал так много подобных разговоров, что их звучание стало для меня чем-то вроде рева подземных поездов. Я к этому привык.

С минуты на минуту на сцену должен был выйти подручный конферансье. Это всегда был один и тот же человек. Не в меру компромиссный шлифовщик. Между собой мы называли его просто – «Нарезной».

Я спустился по ступенькам и уселся рядом с табличкой. Ее держал мой знакомый. На табличке красовались десять букв: «СОБАКАРЬ А.П.». Справа от знакомого сидели аспиранты и молодые преподаватели. На первых же линиях, совсем у подмоштков, – старые, заслуженные учителя.

Все было готово. Мы подождали еще несколько минут и затихли. Из проема появился зачинатель. Улыбаясь залу, уверенной походкой, он подошел к трибуне.

– Добрый день, дамы и господа! Хочу начать сегодняшнее мероприятие с нескольких отвлеченных слов. Не многие знают, но Алексей Петрович был моим лучшим другом! Четыре года назад, когда я поступил на этот факультет, я не мог и подумать о том, что встречу человека, который по-настоящему укажет мне путь. Человека, который возьмет меня за руку и проведет в мир науки и добра. Да, такой человек нашел-

ся. Алексей Петрович стал для меня старшим товарищем. И, может, возраст оставляет пропасть между поколениями, но, знаете, этот человек мог построить мост к любому из нас... Как вы знаете, год назад его не стало, – казалось конференсье сейчас заплачет. – Для меня это стало большой потерей, – я вспомнил, как год назад Нарезной уехал на Камчатку и стал выкладывать в сеть счастливые кадры своего прекрасного отдыха. – Да, для меня это стало больше, чем потерей. С каждым днем я все больше понимаю, как его не хватает, – на удивление, я ощутил ропот тех, кто сидел вокруг меня. И конференсье тут же изменил тон. – Но довольно, господа! Сегодня мы собрались, чтобы почтить память великого ученого! Алексей Петрович является автором большого количества научных работ, среди которых есть и такие, которые, как вы знаете, удостоены признания со стороны международной общественности! Конечно, все мы с ними знакомы. Это и «Отечественное право в сравнительно-правовой динамике», и четырехтомное «Право на Руси», и «Действие российского законодательства за рубежом», и многое-многое другое. Сегодня в зале присутствуют люди, которые готовы рассказать нам о самых почтенных работах Алексея Петровича. Друзья! Мы открываем сегодняшнее мероприятие, но перед началом я хотел бы привести цитату одного великого человека. Этот человек – Чарльз Лэм. Он сказал: «Наверное, юристы тоже когда-то были детьми».

Я не знаю, для чего была сказана эта фраза, но по залу

прокатилась волна аплодисментов.

Конферансье ушел, и на сцену вышел первый докладчик.

– Коллеги! Сегодня я хотел бы представить вам великую работу Алексея Петровича...

Это продолжалось больше двух часов. Докладчики поочередно сменяли друг друга и уходили со сцены с чувством выполненного долга. По крайней мере, со стороны нельзя было сказать, что кто-то из выступающих удручен своим лицемерием.

Поначалу я слушал весьма внимательно, но затем искреннее непонимание происходящего взяло надо мной верх. Удивительнее всего было то, что несколько месяцев назад я по неизвестной самому же себе причине согласился участвовать в такого рода мероприятии. И привычнее всего была моя совершенная неготовность к нему. К слову, я и теперь не делал никаких усилий, чтобы придумать, о чем буду говорить в микрофон.

Короче, спустя время, настала моя очередь. Сутулая девочка ушла со сцены, и конферансье озвучил мое имя. Я оглянулся по сторонам. В такие моменты кажется, что тысячегранный (и все-таки безыскусный) взгляд толпы направлен только на тебя. Будто бы и все мероприятие затевается только, чтобы обличить тебя и твое жеманство. А жеманство, к сожалению, стало основным способом сокрытия сердечности.

Я вышел к трибуне. Откашлялся и потихоньку начал:

– Приветствую всех, кто сидит сегодня в этом зале... Впрочем, стоит поприветствовать и тех, кого сегодня с нами нет, – в общем, я сходу начал путаться. – Коллеги, речь, конечно, идет и об Алексее Петровиче, и о наших сокурсниках, которые, к сожалению, представлены сегодня не в полном составе, – я на мгновение вспомнил своего друга Шахтерщикова, который сидит в Подольске и не выпускает из рук электронную сигарету. Зал начал перешептываться. Я понимал бедственность своего положения, но к такому началу был готов. – Господа, пожалуйста, потише. Я понимаю, что то, о чем я говорю в высшей степени похоже на бред, но позвольте мне объясниться, – и тут я начал. – Во-первых, если позволите, я совершенно не знаю, чем так ценен многоуважаемый Алексей Петрович. Во-вторых, что, в общем-то, вытекает из первого, я хочу воспользоваться этой трибуной только за ради того, чтобы сказать все, что я о вас думаю, глядя вам прямо в глаза, – С первых рядов стали доноситься профессорские осуждения: мол, кто это такой и о чем он говорит. – Итак, слушайте. Я не верю ни одному слову, сказанному предыдущими ораторами, что, как мне думается, может быть поддержано и вами, поскольку иступленность и чопорность смыслов, напетых этими людьми, с первой же ноты раздаются фальшью, – я заметил, как конферансье судорожно вытер со лба пот и начал искать глазами охрану (к слову, никакой охраны там не было). – Пожалуйста, будьте впредь искренней. Кроме того, Собакарь А.П. – фигура мас-

штаба самого незначительного, и все вы прекрасно об этом знаете. Посвященность же этого мероприятия такому человеку вызвана исключительно прямой связью Алексея Петровича с известной вам личностью. – Я понимаю, что перекроил этими словами свою тропинку к неизведанному, но терпеть более не имею сил, – я снова откашлялся, и сделал это уже по-настоящему. – Коллеги, в общем-то, это все, что я хотел сказать.

Я посмотрел на зал и увидел не зал, а лес недоуменных взглядов. В этом лесу не чирикали птицы, не скакали кабаны и не порхали бабочки. В этом лесу царствовала кладбищенская тишина.

Мы промолчали с минуту. Кажется, в помещении готовилась кровавая битва. Либо я, либо они. Вот-вот кто-то из нас должен был начать.

И все-таки, как привычно это происходит в мироздании, которое давно поглотило меня своей сюрреалистической пастью, все обернулось самым дикообразным способом. Спустя минуту после моей речи раздались оглушительные аплодисменты, сопряженные с душераздирающими «БРАВО!» и высокопочтительным стоянием на ногах.

Я не поклонялся и, выйдя из зала, сразу же поехал домой.